

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

The Evolution of Human Behaviour: Primate Models /Ed. Kinzey W. G. N. Y., 1987. 295 p.

Вышедшая в 1987 г. книга «*The Evolution of Human Behaviour: Primate Models*» под редакцией Кинзи представляет собой обобщающий труд — итог симпозиума «Приматологические модели эволюции человеческого поведения», организованного Американской ассоциацией физических антропологов с целью привлечь внимание антропологов всех дисциплин на достижения в области приматологии и возможность использования этих исследований для понимания процессов антропогенеза. Книга состоит из введения и 10 глав, объединенных тематически в четыре раздела: 1. Поведенческие новообразования (инновации). 2. Приматологические модели. 3. Палеоэкологические модели. 4. Теоретические аспекты. Она представляет собой попытку объективного комплексного обобщения современных данных по этологии, экологии, демографии, морфофизиологии и цитогенетике приматов, палеоантропологии, чтобы решить вопрос о возможности восстановления достоверно полной картины образа жизни древнейших гоминид; обсуждаются вопросы социальной организации, взаимоотношений полов, внутри- и межгруппового общения, пищедобывающие стратегии и многое другое.

Несомненно положительным моментом книги является ее полемический характер: в отдельных главах представлены различные, порой противоположные точки зрения на проблему использования приматологических моделей при реконструкции эволюции гоминид. Сусман (с. 151—182), например, отстаивает мнение о большей перспективности использования моделей, построенных на основе данных о поведении социальных хищников наряду с приматами, что мотивируется, с точки зрения этого автора, значительным сходством экологии хищных и гоминид. Другие же авторы, как нам кажется, совершенно справедливо настаивают на преимуществах приматологических моделей, утверждая, что филогенетическая близость гораздо важнее экологической, а гомологическое сходство неоспоримо более значимо, чем конвергентная аналогия (Струм, Митчелл, с. 87—104). В высказываниях Крокетт (с. 135) звучит искреннее сомнение относительно возможности объективной реконструкции ряда важных черт поведения гоминид на базе поведенческих и палеоантропологических данных.

Большинство авторов книги настаивают на необходимости долгосрочных наблюдений за поведением разных видов приматов, так как только они позволяют строить объективные модели социального поведения гоминид, учитывающие возможность изменчивости социальной структуры и различных аспектов поведения в зависимости от сезона и экологических условий. Авторы делятся своими сомнениями по поводу объективных сложностей при реконструкции эволюции гоминид. Крокетт (с. 132—133), Поттс (с. 47), Струм и Митчелл (с. 104), выступая против статистических моделей, подчеркивают, что нельзя выделить ни одного современного вида приматов, который мог бы служить приемлемой социоэкологической аналогией. Тем не менее, нам кажется, нужно особенно подчеркнуть, что из этого не следует вывода об отказе от приматологических моделей вообще. Наоборот, выражается уверенность в том, что понять и изучить уникальность поведенческой эволюции гоминид возможно лишь при условии анализа уникальных особенностей поведения и социоэкологии приматов, детального исследования способов адаптации к среде обитания у разных видов и анализа возникновения поведенческих вариаций в разных популяциях одного вида (Поттс, с. 40).

Остановимся подробнее на основных, наиболее интересных, с нашей точки зрения, выводах, представленных в данной книге. Как правило, вопрос о ведущей роли охоты как ключевого момента в эволюции гоминид, связанного с развитием орудийной деятельности, традиционно занимает существенное место в трудах по антропогенезу. При этом всегда подчеркивается стимулирующая роль охоты в возникновении навыков пользования орудиями. В статье Тернера «Возвращение к шимпанзоидной модели и гипотезе собирательства» (с. 3—27), а также во вводной статье Кинзи (с. VI—XI) предлагается, однако, пересмотреть подобные представления. По мнению этих исследователей, логично подкрепленному данными многолетних наблюдений за поведением шимпанзе, ведущую роль в возникновении орудий труда сыграло собирательство. «Гипотеза собирательства», развитая Тернером, предполагает, что орудийная деятельность носила следы половой дифференциации и первыми творцами орудий были не мужчины, а женщины. Это было обусловлено более высокими энергетическими потребностями женщин (обеспечение собственного существования, развития зародышей и обеспечение пропитания для детенышей, длительное время находящихся в тесной зависимости от матери)

и их стремлением использовать более питательные корма. Использование орудий позволило не только повысить эффективность собирательства, но и использовать высокопитательные, ранее недоступные пищевые ресурсы, например орехи с твердой скорлупой. Дележ пищи, по мнению Тернера, также развивался прежде всего в условиях собирательства, и вначале он был направлен со стороны самок на прокормление собственных детенышей. Обучение навыкам использования орудий происходило в период онтогенеза и передавалось от матери к детям. Последнее обстоятельство обеспечивало непрерывность существования традиций в популяции.

Обсуждается в книге и другой традиционный вопрос антропогенеза — о происхождении двуногой походки. Для объяснения этого явления Поттс в главе «Реконструкция социозологии ранних гоминид: критика приматологических моделей» (с. 28—47) развивает «гипотезу переноса пищи». Опираясь на данные археологических исследований, этот автор доказывает, что древнейшие гоминиды имели свои специальные социальные базы, аналогичные местам сна у современных приматов, которые располагались вокруг источника камня (склада). Мясо, добытое во время охоты, приносили именно к складу камней, разделявали, поедали, а остатки относили в специально отведенные места, где они и становились добычей хищников. Таким образом обеспечивалась безопасность социальных баз (там основную часть времени проводили дети, женщины, больные). С точки зрения Поттса, такая реконструкция была бы невозможной на основе одних только археологических данных, она требует хорошего знания особенностей поведения приматов и современных охотников-собирателей.

В разделе «Приматологические модели» дается оценка возможности использования в качестве модельного вида обыкновенного и карликового шимпанзе (на основе гомологической близости с гоминидами), а также павианов (сходство по аналогии). Вранхем в главе 3 — «Африканские антропоиды; значение африканских антропоидов для реконструкции социальной эволюции человека» (с. 51—71) предлагает проводить реконструкцию, учитывая филогенетически консервативные признаки, общие для единого исходного предка. Среди них он называет экзогамию самок, полигамию, доминантно-враждебные отношения между самцами из разных групп. Автор подчеркивает спекулятивность существующих моделей социального поведения, что связано с серьезными проблемами в наших знаниях об экологии гоминид. Однако подобные затруднения преодолимы, с точки зрения Вранхема, и можно воспроизвести архетип поведения общего гоминоидного предка, если изучить в сравнительном аспекте социозологию современных приматов и человека. Сусмэн в главе 4 — «Шимпанзе: карликовые шимпанзе и обычные шимпанзе — модели для поведенческой экологии ранних гоминид» (с. 72—86) предлагает обратить внимание на изучение поведения карликовых шимпанзе, адаптированных к жизни в лесу. Такой выбор определяется, по его мнению, результатами археологических и палеоэкологических раскопок, свидетельствующих о том, что общий для антропоидов и гоминид предок был типично лесным обитателем. Не случайно в морфологии австралопитеков отмечается сочетание черт наземной двуногой и древесной формы. По мнению Сусмэна, предковые формы имели компактные группы, аналогичные социальной организации карликовых шимпанзе, а не рыхлые социальные образования, сходные с таковыми у обыкновенных шимпанзе. Модель, предложенная Сусмэном, предполагает также пониженную внутригрупповую агрессивность, кооперацию самцов, тесные устойчивые связи между самками у гоминид. Струм и Митчелл в главе 5 — «Павианы: павианьи модели и путаница» (с. 87—104) обосновывают необходимость долговременных полевых исследований и применения сравнительного подхода. Авторы приходят к справедливому, как нам представляется, выводу о том, что получившая ранее значительную популярность «павианья модель» (опиравшаяся на три основных признака: хищничество, агрессивность, доминирование) слишком примитивна и не соответствует данным современных полевых наблюдений о характере взаимоотношений особей в группах у павианов. Доводы Струма и Митчелла являются серьезным возражением против жизнеспособности моделей Сусмэна и Вранхема. Нам представляется также, что мнение этих авторов относительно невозможности проведения прямых параллелей между каким-либо конкретным видом приматов и гоминидами более соответствует истине.

Исключительный интерес для антропологов и этнографов может представлять, по нашему мнению, глава 6 — «Моногамные приматы: приматологические модели брачных систем человека» (с. 105—114), написанная Кинзи. Автор доказывает, что приматам в целом более свойственны полигамные и промискуитетные отношения, чем моногамные. Моногамия же в большинстве случаев сопряжена с жесткими экологическими и поведенческими характеристиками: ограничена экологически и консервативна поведенчески. Промискуитетные и полигамные связи, наоборот, предполагают более сложные социальные взаимоотношения между особями и обеспечивают большую экологическую и поведенческую гибкость. С его точки зрения, гипотеза Лавджоя¹ о моногамии как важнейшей инновации ранних гоминид должна быть пересмотрена и исключена. Кинзи детально поясняет, почему и в настоящее время моногамия нельзя признать наиболее естественным и распространенным типом брачных отношений в человеческом обществе. При реконструкции системы социосексуальных отношений у ранних гоминид важно понять, что типы сексуальных отношений между полами у приматов имеют не только различную историю, но и различное адаптивное значение. Моногамия у приматов могла возникать в различных таксонах как следствие разных причин, под влиянием разных экологических условий: 1) как преимущество группового образа жизни над одиночным; 2) как средство защиты скудных и ценных ресурсов; 3) как реакция на хищничество со стороны человека. По мнению Кинзи, приматологическая модель предполагает наличие адаптивного преимущества и эволюционного успеха репродуктивных систем, расширяющих социальные связи за рамки независимых репродуктивных ячеек, будь то за счет родственных связей или путем формирования неродственных отношений и организаций. Моногамия у человека имеет место в специфических экологических условиях и неизменно сопровождается разнообразными взаимоотношениями, увеличивающими потенциал социальных связей. Именно нехватка социальных связей в условиях моногамного образа жизни и составляет, по мнению Кинзи, основной недостаток парного образа жизни.

Исследования этого автора позволяют, с нашей точки зрения, заключить, что моногамия возникала неоднократно в разные периоды человеческой истории и была обоснована не моральными, а в первую очередь социально-экономическими и экологическими факторами.

В главе «Диета, диморфизм и демография: перспективы исследования от ревунов до гоминид» (с. 115—138) Крокетт обсуждает возможность использования ревунов в качестве модели поведения гоминид и реконструкции социальной организации последних. Модели отдельных аспектов поведения, например связанных с системой спаривания (и в этом Крокетт соглашается с Кинзи), могут иметь много общего у представителей разных таксономических групп. Исследования нескольких видов ревунов, кормящихся группами, позволяют утверждать, что изменения окружающей среды могут оказывать существенное влияние на поведение гоминид, включая пищевые стратегии и типы активности. Как и другие авторы (Струм, Митчелл), Крокетт считает необходимым учитывать возможные вариации поведения особей в популяциях одного вида, проживающих в различной местности, а также сезонную изменчивость поведения. Крокетт проводит аналогию между ревунами и гоминидами, указывая, что у представителей обоих таксонов сохраняется единообразие системы питания в различных условиях местообитания. Она обращает внимание также еще на одну вероятную аналогию гоминид с ревунами: речь идет о возможности действия отбора у гоминид дифференцированно на особей разного пола. Отмечается, что важно не только узнать, чем могли заниматься особи разного пола в популяциях гоминид, но и представить, каким образом поведение особей одного пола могло ограничивать или направлять эволюцию поведения особей противоположного пола. Крокетт указывает на малую вероятность моногамии у ранних гоминид и, ссылаясь на палеоантропологические данные о выраженном диморфизме афарских австралопитеков, подчеркивает высокую степень вероятности полигамных отношений между полами. Рассуждения автора представляются нам весьма логичными и тесно переплетаются с выводами Кинзи.

Несомненно, оригинальный подход для определения социальной структуры предковых форм предложен Марксом в главе 8 — «Цитогенетические методы: социальные и экологические аспекты цитогенетики приматов» (с. 139—150). Данный исследователь полагает, что хромосомный анализ позволяет сделать определенные выводы относительно социальной организации конкретных видов. У видов с большими, мобильными стадами и частым переходом особей из одной группы в другую генный дрейф ингибируется, а кариотип становится однообразным. Наоборот, у видов, живущих малыми территориальными группами, генный дрейф весьма существен и сочетается со значительным разнообразием кариотипов. Таким образом, хотя это кажется на первый взгляд парадоксальным, данные хромосомного анализа могут свидетельствовать в пользу шимпанзоидной модели социальной организации ранних гоминид.

Глава 9, написанная Сусмэном, — «Морфофизиологический анализ диеты: видоспецифические типы диеты у приматов и человека» (с. 151—182) обосновывает концепцию существования характерной для каждого вида модели диеты. Она завершается выводом, что ранние гоминиды были всеядными формами, при этом они потребляли незначительное количество мяса, а фрукты составляли основной вид питания. Это заключение, несомненно, важное для специалистов в области антропогенеза, явно перекликается с идеей Теннера о ведущей роли собирательства в жизни ранних гоминид, стимулировавшего развитие бипедии.

Итоговая, 10-я глава книги, написанная Туби и Девором, — «Реконструкция поведенческой эволюции путем оперативного моделирования» (с. 183—238) наиболее важна, с нашей точки зрения, для понимания современного состояния проблемы реконструкции поведения гоминид. Но одновременно с этим она и наиболее спорная. Авторы доказывают, что существенные различия в уровнях сложности организации поведения и его разнообразия у приматов, протогоминид и человека можно объяснить методом оперативного моделирования (с. 235). Существенным является понимание различий между непосредственными поведенческими адаптациями и эволюционными целями. Основные идеи авторов подкрепляются с позиций социобиологического подхода. Конкретные поведенческие механизмы отбираются, чтобы содействовать достижению итоговой приспособленности — эта цель строго фиксирована и существенна для протекания эволюционного процесса. Но непосредственные механизмы, которыми приспособленность поддерживается, изменяются в ходе эволюции в зависимости от таких факторов, как предшествующие адаптивные образования, мутации, онтогенетические ограничения, преадаптации. По мнению авторов, оперативное моделирование исключительно подходит для анализа механизмов развития интеллекта, сознания, сложного научения, культурной передачи, тесно переплетенных с совместно эволюционирующей мотивационной системой, как раз потому, что оно анализирует эти механизмы посредством понятий эволюционных целей, которые неизменны. Преимущества оперативного моделирования видятся прежде всего в том, что для него не существует разрыва в процессе развития каких-либо признаков. Новые свойства являются выражением тех же адаптивных процессов. Такие теоретические размышления приводят Туби и Девора к выводу: сложные механизмы поведения гоминид не отходили от общеэволюционных принципов; более развитый интеллект гоминид позволял им точнее выделять особые средовые, исторические и ситуационные факторы и модифицировать свое поведение в адаптивно приемлемом виде. Врожденные человеческие характеристики, инкорпорированные в геном, были включены туда потому, что они повышали итоговую приспособленность особей. Утверждать, что человек стал нечувствительным к влиянию эволюционного процесса, как пишут Туби и Девор, — глубочайшее заблуждение, обоснованные реконструкции поведения гоминид возможны, по мнению авторов статьи, лишь при условии признания исключительной роли эволюционной теории и поведенческой экологии как важнейших инструментов для палеоантропологии. Только эволюционная биология (в этом Туби и Девор полностью занимают позицию социобиологов) может дать концептуальную модель, необходимую для понимания гоминидной эволюции. Оперативное моделирование представляет собой такую концептуальную модель, в основе которой лежат следующие принципы: 1) гены —

звено в эволюционной цепи; 2) животные ведут себя таким образом, как это позволяют стратегии, обеспечивающие их итоговую приспособленность. В прошлом виды являлись объектом воздействия тех же фундаментальных эволюционных законов и экологических сил, что и в настоящее время. Поэтому авторы делают вывод, что принципы, которые мы познаем сегодня, применимы были на протяжении всей эволюционной истории. Трудно согласиться с категоричностью авторов относительно универсальности действия законов естественного отбора независимо от уровня организации вида, а также с утверждением о неизменности этих законов применительно к гоминидам. Напомним, что в отечественной литературе успешно развиваются представления об универсальных и частных законах эволюции, возможности эволюции самой эволюции². Туби и Девор приходят к выводу о том, что параметры определенных сторон жизни гоминид в разные периоды их эволюционной истории можно вычислить на основе учета комплекса данных: 1) знания примеров гомологии у приматов, представленной на основе поведенческих, морфологических и биохимических данных; 2) характеристик, присущих современному человеку; 3) палеоантропологии; 4) археологии; 5) палеоэкологии. Следует сказать, что общая направленность статьи (как, впрочем, и книги в целом), ориентирующая исследователей на необходимость комплексного подхода в решении проблем антропогенеза, заслуживает самого серьезного внимания.

Идеи, высказанные на страницах рецензируемой книги, в большинстве своем спорны. Тем не менее многие из них логически обоснованы и находят подкрепление в многочисленных примерах. Книга позволяет шире, а зачастую и просто по-новому взглянуть на проблемы эволюции человека и общества, понять всю необходимость анализа предпосылок антропосоциогенеза на базе новых, накопившихся уже в 80-е годы сведений в области приматологии, этологии и экологии приматов, а также указывает на необходимость в первую очередь полного пересмотра существующих, традиционных в этнографии и антропологии представлений относительно происхождения экзотами, разных типов брачных систем, происхождения орудийной деятельности, двуногой походки и т. д.

Вопросы, освещенные авторами, современны и актуальны и представляют интерес для широкого круга специалистов, прежде всего антропологов, этнографов, историков, археологов, социологов, психологов и философов.

М. Л. Бутовская

Примечания

¹ Lovejoy C. O. Hominid Origins: the role of bipedalism // Amer. J. Phys. Anthropol. 1980. V. 52. P. 250.

² Завадский К. М., Колчинский Э. И. Эволюция эволюции. Л., 1977.

В. А. Шнирельман. Возникновение производящего хозяйства. М., 1989. 444 с.

Рецензируемая книга посвящена одной из самых важных и в то же время сложных проблем науки. К настоящему времени по этому вопросу накоплен колоссальный материал, в котором легко утонуть. Чтобы этого не случилось, нужен теоретический ориентир, руководствуясь которым можно было бы выделить основное, отделить существенное от несущественного, правильно истолковать огромное количество фактов.

В качестве такого теоретического ориентира В. А. Шнирельман принимает идею выдающегося советского биолога Н. И. Вавилова о первичных и вторичных центрах формообразования культурных растений. Эту идею автор творчески развивает. Речь идет не просто о первичных и вторичных центрах формообразования культурных растений, а о первичных и вторичных очагах становления производящего хозяйства, включающего в себя не только земледелие, но в большинстве случаев и животноводство. Если Н. И. Вавилов выделяет свои центры по синхронным ботаническим данным, то В. А. Шнирельман широко привлекает материалы археологии, палеоботаники, палеозоологии и палеоклиматологии.

Самым древним из всех очагов производящего хозяйства является переднеазиатский, который, как считает автор, возник в результате объединения шести микроочагов (восточноевропейского, северосирийского, юго-восточноанатолийского, южноанатолийского, загросского и закавказского). Здесь впервые в истории человечества зародилось производящее хозяйство. Это произошло в период от IX—VIII тысячелетий до второй половины VIII—VII тысячелетий до н. э. Другими первичными очагами производящего хозяйства в Азии были юго-восточноазиатский, и восточноазиатский. В Африке автор выделяет сахаро-суданский и гвинейско-камерунский, в Америке — мезоамериканский и андийский первичные очаги.

Вторичных очагов было значительно больше. Если в Европе не существовало ни одного первичного очага производящего хозяйства, то вторичных было три: балканский, центрально-европейский и восточноевропейский степной.

Автор детально прослеживает распространение земледелия и скотоводства из первичных, а затем и вторичных очагов. Это происходило по-разному. В одних случаях имели место миграции земледельческо-скотоводческого населения. В других — заимствование местным населением новых хозяйственных навыков у соседей. Чтобы ответить на вопрос, с каким именно вариантом мы сталкиваемся, В. А. Шнирельман широко привлекает данные археологии, палеоантропологии и, где это возможно, лингвистики.